

Сергей Котелко

Первый дом Анатра в Одессе

Моя книга* посвящена последнему дому, построенному членом семьи Анатра в Одессе. Но нельзя не рассказать немного и о первом собственном доме семьи, ведь это – несомненный показатель успеха. О самом первом жилище семьи Анатра в Одессе известно со слов Александра Михайловича де-Рибаса: «Семейство Анатра жило тогда в собственном доме в Карантине».** Его мы можем найти на карте одесского порта 1870 года, где под №18 обозначен небольшой «Дом иностранца Анатра».

Установить, в каком именно году он был выстроен, пока не удалось. Имеющиеся документы говорят нам только о 1874 годе, но речь идет не о жилом доме:

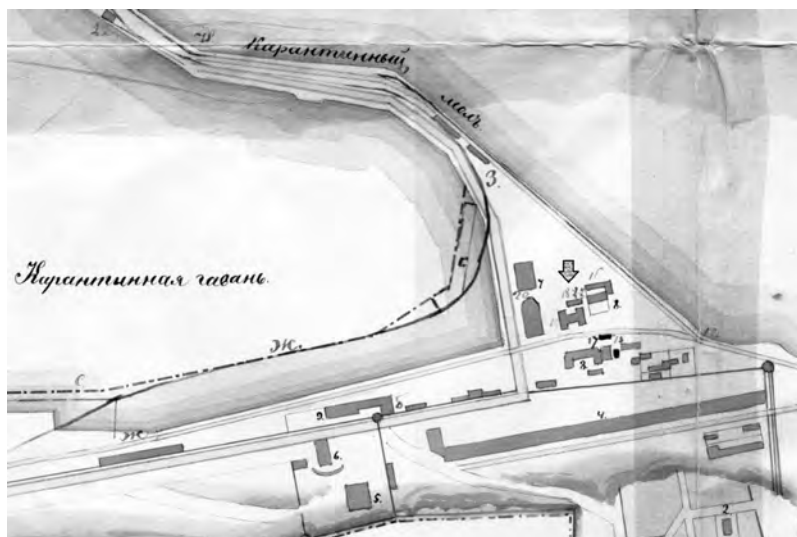
«...въ 1874 году съ разрѣшенія исправлявшаго должность Одесскаго Градоначальника Митькова былъ отведенъ боцману Анатро на Карантинной территоріи участокъ земли для постройки каменнаго сарая для склада канатовъ и прочихъ спасательныхъ средствъ, при чемъ было взято съ Анатро обязательство снести разрѣшенную ему постройку и очистить занимаемое ею мѣсто по первому требованію Капитана изъ Портоваго Начальства».**

Кроме этого, увы, пока ничего о том строении найти не удалось, кроме того, что, скорее всего, дом был деревянным. А вот о первом собственном каменном доме в черте города, на Успенской, копить на который Анатра пришлось долгих шестнадцать

* С. Котелко, «Анатра. История особняка на Французском бульваре, 28, а также семейств Анатра и Драго». – Одесса, 2022.

** Одесский листок. № 63, 18.03.1910 г., с. 3. Александр де-Рибас. Страничка старой Одессы. Анжело Анатра.

*** ГАОО, ф. 2, оп. 3, д. 1307 «О занятии земли на портовой территории купцом Анатро», 1885 г.

Фрагмент «Плана Одесского порта Карантинного и Практического». 1870 г.
Дом Анатра указан стрелкой

лет, удалось много чего раскопать. Вопрос о точном местоположении первого городского самостоятельно выстроенного дома семьи Анатра объяснился в одном из дел, хранящихся в одесском областном архиве. Дело за 1841 год. Очень своеобразное, такое себе «одесское»... Рассмотрим сии документы.**** Начинается дело с бравого прошения некоего коллежского асессора Николая Хрусталева в Строительный комитет (главную организацию города по строительству) о разрешении ему застроить два, по его словам, пустопорожних места. Речь шла о местах № 42 и 43 по Успенской улице (это не номера домов, а номера участков согласно старой городской системе разделения участков для постройки домов) – то есть проситель утверждал, что оба эти участка вообще пусты. Но Строительный комитет учинил разбирательство, обратившись

**** ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2569. Прощение коллежского асессора Николая Хрусталева об отводе ему места во 2-й части, о покупке оного неаполитанско-поддан. Николаем и Иосифом Талимо и об оставлении за родственницею им Терезою Анатра.

к военному губернатору, а тот – в городскую полицию, дабы разобрались, что там на самом деле. Полиция, найдя документы, прислала рапорт, из которого выходило, что место № 42 было отдано одесскому жителю Николаю Фоши (?), но в связи с незастроением им оно 28 июня 1815 место было передано итальянцу Сальвадору Талеми, а место № 43 по определению от 24 июня 1812 года было передано одесскому жителю, тосканскоподданному Луиджи Тирони. Дополнительно комитет отправил на место исполняющего должность городского архитектора г-на Камбиаджио, чтобы разузнать на месте, в каком положении находятся эти участки. А Камбиаджио увидел там совсем не «пустопорожнее место»: на нем ни много ни мало стояло целых три флигеля! Правда, небольших. Он доложил Строительному комитету, что по состоянию на 16 июля 1841 года на участке 42 стоял построенным один флигель под деревянной крышей и с четырьмя комнатами, а на месте 43 – два маленьких флигеля, один с двумя, а другой с одной комнатой, оба также под деревянной крышей. Правда, все эти три строения находились не по фасадной линии, а во дворе. Видимо, выглядело это невзрачно. Но почему же Хрусталева указал, что это место пустопорожнее? Наверное, потому что знал законы, по которым отводимое место должно было быть застроено типовым домом по фасадной линии в указанный срок (обычно два-три года с момента получения документа), о чем следовало доложить в Строительный комитет, который после осмотра построенного дома выдавал «на спокойное владение» соответствующий документ – «данную». А дома, построенные Талимо (в таком варианте эта фамилия фигурирует в деле дальше) и Торино были не типовыми и не по фасадной линии, и в Строительном комитете о них ничего не знали. А значит, с бюрократической точки зрения их и не было. В объяснительной наследники Сальвадора Талимо, Николай и Иосиф, пишут следующее:

«Во время бывшей въ городѣ Одессѣ въ 1812 годѣ чумной заразы по распоряженію Начальства сжигаемы были дома жителей Одессы въ томѣ числѣ и отца нашего сожженъ домикъ и вмѣсто онаго отведено для постройки другого дома мѣсто состоящее во 2-й части въ 3 кварталѣ. Но какъ отецъ нашъ былъ старыхъ лѣтъ и по разнымъ несчастнымъ случаямъ не могъ за жизни своей

выстроить по плану дома кромѣ жилыхъ построекъ во дворѣ для жилья два флигеля и заготовить часть матеріала для постройки плановаго дома, мы же будучи малолѣтними не могли ему дѣлать никакой помощи. Напослѣдокъ отецъ нашъ умеръ...»

Они просили о еще одной отсрочке, на три года. Увы, больше ждать Строительный комитет не стал, и потому были назначены открытые торги, которые, собрав все возможные средства, выиграла Николай и Иосиф Талимо, «наследники покойного Талимо». Они выкупили собственное место за № 42, отдав за него по 7½ копейки серебром за квадратную сажень. Общая сумма сделки составила таким образом аж 15 рублей серебром, которую они внесли в городскую казну 7 ноября 1841 года. 15 рублей за участок в 670 кв. метров в центре города, пусть и серебром? Такие цены были тогда в Одессе пыльной... Но и эти деньги, согласно архивному делу, им пришлось одолжить у своей тетки. И, видимо, на этом Николай и Иосиф Талимо иссякли окончательно, ибо следующее предписание Строительного комитета – о постройке здания на приобретенном участке по фасадной линии – они выполнить уже не смогли, хотя им давался на это едва ли не самый большой возможный срок: пять лет вместо обычных двух. Уже в марте следующего года они подали новое прошение в Управление новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Самого прошения Талимо к генерал-губернатору в деле нет, но есть реакция на него. Это два письма, от 7 марта 1842 года – в Строительный комитет с просьбой разобраться и доложить, и от 11 апреля 1842 года, в котором генерал-губернатор граф Михаил Семенович Воронцов подробно описывает положение господ Талимо:

«...они пожелали переуступить означенное мѣсто ихъ родственницѣ, обязывающейся произвести на ономъ положенную постройку по той причинѣ, что сами они не надѣются сдѣлать таковую постройку въ 5-ти лѣтній срокъ, опредѣленный во временномъ ихъ свидѣтельствѣ, а также отъ опасенія потерять мѣсто по минованію срока, если оно останется незастроеннымъ; при этомъ и купили они это мѣсто съ денежнымъ пособіемъ отъ ихъ родственницы».

И далее Воронцов предлагает решение: «...я полагаю бы возможнымъ удовлетворить просьбу...»

Эта самая родственница – не кто иная, как Терезия Анатра, урожденная Ладацци, жена Анжело Анатра, родоначальника всех одесских Анатра. Ей муж доверил заниматься делами недвижимости. В документах по отношению к Талимо она фигурирует как тетка, и получается, что Николай и Иосиф – племянники Терезии Анатра. Это первое сохранившееся документальное свидетельство об отношении Терезии Анатра, а значит, и семьи Анатра к этому месту.

Граф Воронцов утвердил прошение. Так место перешло во владение семьи Анатра, и это первый известный мне их городской адрес. Ныне это дом № 25 по Успенской улице.

28 апреля 1842 года уже сама Терезия Анатра подала прошение, как и положено, на гербовой бумаге, в Одесский строительный комитет:

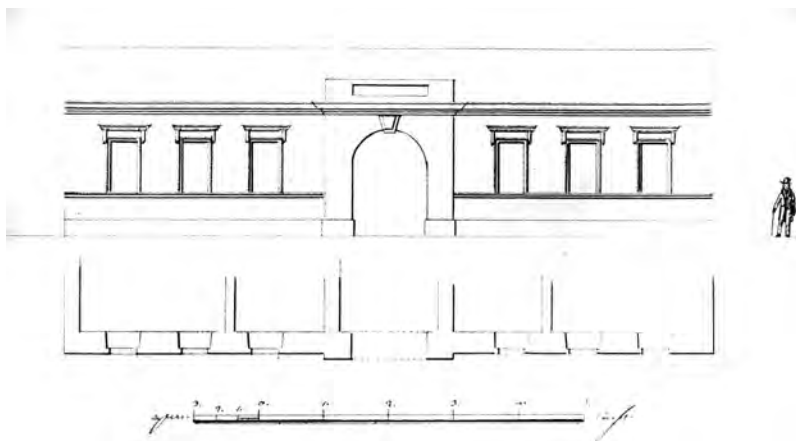
«Неаполитанско-Подданной Терезіи Анатра
Прошеніе.

Честь имѣю представить при семъ въ 3-х экземплярахъ фасадъ составленный Архитекторомъ Комбіаджіо, на постройку дома на мѣстѣ моемъ, состоящемъ въ III-м кварталѣ, подъ № 42. Покорнѣйше прошу Строительный Комитетъ сдѣлать распоряженіе о засвидѣльствованіи таковыхъ, и возвращеніи мнѣ для преступленія къ постройкѣ дома.

Тереза Анатра
Апрѣля 28-го дня 1842 год»

И тут нам повезло. Самая обычная практика, если никаких упомянутых фасадов домов в подобных делах нет – наверное, в 90% случаев. Но тут – есть. Мы с вами можем видеть, как выглядел первый дом семьи Анатра в нашем городе!

Дом был построен очень быстро. Проект Камбиаджио датирован 18 апреля, 28 апреля было прошение Терезии в Строительный комитет, а уже 13 августа того же 1842 года Тереза Анатра просит Строительный комитет освидетельствовать построенный ею дом:

Проект фасада дома Терезии Анатра, архитектор Камбиаджио, 1842 г.*

«Окончивъ постройку плановаго дома на отведенномъ мѣстѣ, состоящемъ во 2-й части, по Успенской улицѣ, въ III-ѣмъ кварталѣ подъ № 42, я возвращая при семъ временное свидѣтельство онаго Комитета, покорнѣйше прошу на владѣніе онымъ мѣстомъ со строеніемъ, снабдить меня установленною Данное» (*так*).

Ниже написано по-итальянски «Croce † di Teresa Anatra ileterata» – «Крест (начертанный) Терезой Анатра, неграмотной». В первоначальном прошении на постройку за Терезу тоже расписался некий господин, возможно – сеньор Револьгано: плохо читается подпись. Вот такие милые подробности. В просьбе о выдаче данной собственноручное нанесение креста Терезой Анатра заверяют двое других итальянцев – Леопольд Эдвардс (написано «Эдвардц») и Марко Бинович.

Дальше – забавно. Как мы помним, архитектором постройки, возведенной Терезой Анатра, был тоже итальянец, Камбиаджио, но он также был и исправляющим должность городского архитектора, поэтому Строительный комитет, куда он входил, отправил

* Там же, л. 30.

его обследовать, построил ли он там что-нибудь и как он находит эту постройку. Не знаю, сходил ли в действительности г-н Камбиаджио, или написал по памяти следующее: «...дѣйствительно, на упомянутомъ мѣстѣ построенъ домъ по плану Комитетомъ утвержденному; и что мѣсто сіе шириною по улицѣ въ 10 сажень, а длинною во дворѣ 20 сажень заключаетъ въ себѣ 200 квадратныхъ сажень».

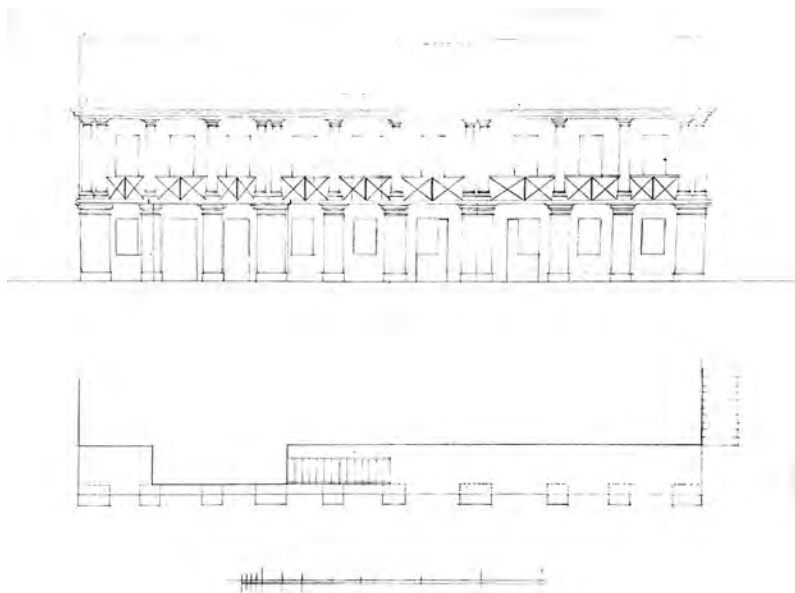
11 сентября 1842 года Терезии Анатра была выдана данная за № 4791 – свидетельство на право собственности, на владение домом и участком земли под ним. Согласно налоговой ведомости, дом был довольно дешевым, он стоил всего-то 1562 рубля.* Впрочем, если посмотреть на соседние дома в этой же ведомости, то вполне на уровне: Панаиота Диалегмено – 1558 рублей, два дома Марии Мокко – 1750 и 1920, Константина Спиранда – 1400, Авдотьи Деноелевой – 1366 рублей. Вот только дома статского советника Антона Гофмана да купца Ивана Гогоци были оценены поболее – в 3116 и 3267 рублей соответственно.**

Уже через шесть лет, в 1848 году, построенного по красной линии одноэтажного дома семье Анатра стало мало – решили построить во дворе флигель. Как и положено, обратились в Строительный комитет за разрешением. Интересно, что прошение от 23 августа 1848 года было одобрено на следующий же день – то ли работы у господ не было, то ли не все так плохо было с царской бюрократией. Как бы там ни было, разрешение получено. Но для нас оно ценно не скоростью принятия решения, а тем, что и в этом деле сохранился архитектурный чертеж фасада здания!*** И здание очень интересно. Оно двухэтажное, или даже трех-, потому что имеет высокий чердак. Первый этаж разделен четырьмя широкими пилястрами тосканского ордера, пространство между ними в свою очередь регулярно разделено пилястрами поуже того же ордера. Второй этаж решен, как и положено, более легким – он имеет открытую галерею, разделенную колоннами.

* Список домам и прочим строениям для платежа полупроцентного сбора с 1848 года. С. 15.

** Там же.

*** ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1248, «По прошению неаполитанск.-подданной Терезии Анатра об утверждении фасада на постройку флигеля во дворе». 23.08.1848.

Фасад дворового флигеля Терезии Анапра на Успенской, 23

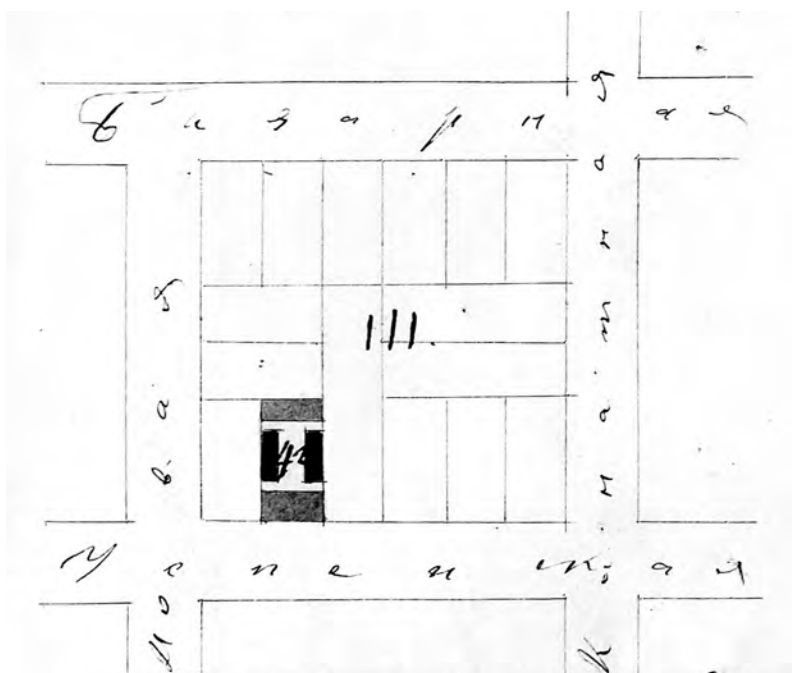
Они соединены оградой в виде косых крестов. Внизу есть широкая и узкая двери. Сверху, над тосканскими колоннами галереи, довольно сильно выступающий карниз, над которым высится едва ли не той же высоты, что и второй этаж, глухая стена чердачного помещения.

Жаль, что нет в документе указания, кто архитектор этого здания. Есть указание на то, что проект одобрен «техническим членом комитета генерал-майором Морозовым», и приписка внизу: «Исполняющий должность городского архитектора Ф. Моранди». Можно, конечно, предположить, что он и есть автор этого здания, но он в любом случае должен был ставить свою подпись под эскизом для одобрения одного. Могло быть и то и другое – сам нарисовал, сам и одобрил. На имеющемся там же плане местности обозначены два одинаковых в плане флигеля друг напротив друга, стоящих поперек фасадной линии по Успенской. Раз фасад

представлен всего один, это может обозначать, что предполагалось выстроить два одинаковых дома.

Другая милая подробность документа – Терезия была по-прежнему неграмотна! Вместо нее теперь расписался «Сардинскоподданный Яков Мичиати».

Дела семьи шли в гору, и на рубеже 1860-х годов ей стал принадлежать и соседний угловой дом, ныне Маразлиевская, 60. Датировка относительная – точной даты покупки пока не найдено. В архивном деле Строительного комитета об утверждении фасада упоминается, что уже в июле 1862 года Анатра принадлежали оба участка – и угловой 41, и известный нам уже 42. В «Раскладочных ведомостях» от 1863 года по Успенской Анатра указаны владеющими одним домом, а по Новому переулку (участок от Мараз-

План III квартала по Успенской с участком Анатра № 42. Выделены два предполагаемых к постройке дома

лиевской) еще одним. В 1875-м году в справочнике Висковского эти два дома носили номера 19 и 21 по Успенской, сейчас это 23 и 25. В упомянутом деле Строительного комитета № 3511 за 1862 год читаем прошение:

«Иностранки Терезіи Анатра
Прошение

Предположивъ построить двухъэтажный домъ, и надстроить на существующемъ домѣ моемъ второй этажъ на принадлежащихъ мнѣ мѣстахъ, состоящихъ во второй части г. Одессы, въ III кварталѣ подъ №№ 41 и 42, по Успенской и Новой улицамъ, согласно предоставленнымъ при семъ въ 2-х экземплярахъ чертежамъ; имѣю честь покорнѣйше просить Строительный Комитетъ по разсмотрѣнію оныхъ и утверждению, одинъ экземпляръ возвратить мнѣ для произведенія постройки...»*

Подписано внизу – «Сардинско подданная Терезия Анатра», причем по-русски. Кто за нее расписался на этот раз, непонятно. Внизу была приписочка, что Терезия Анатра жительствоует в г. Одессе в собственном доме. Увы, на этот раз эскиза дома не сохранилось. А ведь дом, предложенный Терезией Анатра на утверждение Строительному комитету, был несколько необычным и не подпадал под определение утвержденных типовых построек. Для рассмотрения постройки даже пришлось собирать «стол», как тогда назывались отделы ведомств, который, памятуя о том, что, «предоставив Комитету право утверждать фасады на частные строения, которые хотя и отступают от изданных образцовых чертежей, но в прочих отношениях будут правильными», составил «мнение», по которому «представленный Анатра фасад» нашли «не противным правилам архитектуры». (Полный текст прошения и ответа на него вы найдете в моей книге «Анатра», в приложении Документы, № 1.) Что такого необычного нашли уважаемые члены Строительного комитета (под разрешением – целых шесть подписей), с нынешней точки зрения гадать

* ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 3511, «Об утверждении фасадов на производство частных построек». 1862 г.

Дом на углу Успенской и Маразлиевской. Фотография предположительно 1898 года. Это самое раннее известное мне изображение этого дома, но сделано оно уже во времена, когда в нем размещалась лечебница Воллнера*

даже не нужно, на самом деле это просто не соответствовало утвержденным типовым проектам. Угловой участок был значительно больше, чем изначальный участок Терезы. На нем Анатра построили очень протяженный дом, выходящий фасадом и на Успенскую, и на Маразлиевскую, тогда – Новый переулок, затем одноименную улицу. Кстати, дом на самом деле трехэтажный: та часть, что выходит на Успенскую, и небольшая часть по Маразлиевской имеют глубокий приямок и подвал с окнами в полный рост.

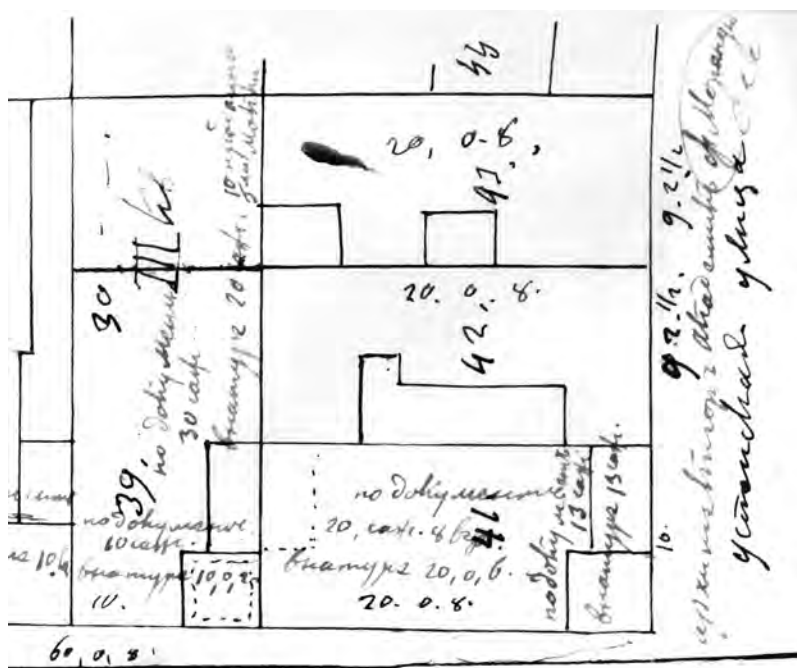
Таким образом, мы установили, когда Терезия выстроила этот дом: 1862 год. Хотя встречается информация, что дом якобы построен Анатра в 1848 или в 1850 гг., и называют имя архитектора – Моранди. Но подтверждений этому я не нашел. Скорее всего,

* Фотография из газеты «Одесский листок», третий лист к № 92, 20 мая 1898 г., с. 12

просто произошла путаница – в 1840-х Терезия построила соседний дом, а Моранди утверждал проекты, будучи городским архитектором. В ГАОО (Государственном архиве Одесской области) есть упоминание также о деле «О прирезке земли к месту итальянско-подданной Анатра», датированное 8 марта 1868 года, но само дело, увы, утрачено. Однако мне удалось найти, видимо, его «зеркало» – в другом фонде, № 4, Одесской распорядительной думы. Оно начато в тот же день, что и утраченное, – 8 марта 1868 года, но называется более витиевато: «Об учинении надписи на данной итальянско-подданной вдовы Терезы Анатра о добавочном месте к дому ея II части, III квартале № 41».* Что за надпись такая? По порядку. Терезия Анатра – или, как тогда говорили, Анатро, – пишет прошение в управу о том, что «по высочайше утвержденному в 1847 году плану гор. Одессы» предполагалось улицу Новую (ныне это часть Маразлиевской от Успенской) сузить с 15 до 9 саженей, в связи с чем и дома, на ней построенные, могли бы на три сажени с каждой стороны улицы стать шире. Исходя из этого, Терезия Анатра просит: «Распорядительную думу об отдаче мне сказанной части добавочной земли и назначить законную плату за оную; которую я согласна внести немедленно по отводе оной и выдаче мне временного свидетельства для застройки плановой постройкою, которую я намерена произвести в нынешнем же году». Письмо по доверенности Терезии написал «сын ея Антон» – отец будущего авиационного промышленника Артура Антоновича Анатра. Отправленный Думой на место архитектор Моранди сообщил, что по улице Новой «означенное место с прибавочным имеет меры: ...длиною 20 саж. 8 вершк., шириною 13 саж.», а затем на двух страницах расписывает, как хорошо было бы место это отдать домовладельцам, и вот почему: он тоже упоминает высочайше утвержденный план, где улицу Новую предполагалось сузить, а затем пишет, что Новая улица уже «начата быть сужаема», упоминая дома Лоского и Колопова, которые выступили на три сажени, и еще три дома, где даже превышена эта цифра. Правда, хитрый итальянец пишет о той части улицы, которую разделил Канатный завод, – о том, что сейчас называется

** ГАОО, ф. 4, оп. 44, д. 279, «Об учинении надписи на данной итальянско-подданной вдовы Терезы Анатра о добавочном месте к дому ее II части, III квартале, № 41», 8 листов. 8.03.-26.04.1868 г.

улицей Черновола. Но затем он приводит вполне солидный аргумент: «ширина Новой улицы в 9 саж., назначенная по высочайше утвержденному плану, – весьма достаточна для такой местности, где эта улица существует; чему служит примером Канатная улица, имеющая в длину 12 кварталов и гораздо более «проездимая» (так), чем Новая улица, в которой ширина тоже 9 сажень». И хотя на той части Новой улицы, где жила Терезия Анатра, никто еще вперед не выехал (на что, кстати, справедливо обращено внимание исполняющего должность градоначальника в письме, имеющемся в том же деле), Терезии Анатра добавили эти 3 сажени по длине ее участка в 20 саженьей, назначив по одному серебряному рублю за каждую квадратную сажень. И решено было на данной, то есть

План местности пересечения Новой (внизу, с цифрами 60.0.8.) и Успенской улиц.
Дом Анатра – 41 и 42. 1868 г.

на документе о праве собственности, «учинить надпись» об этой самой прибавке к месту. Таким образом, именно Терезия Анатра положила начало установлению нынешней ширины Маразлиевской улицы от Успенской до Базарной... Но этот документ, помимо прочего, ценен еще тем, что содержит целых три плана местности, что тоже большая редкость для подобного рода документов. Один особо ценен тем, что показывает планы построек Анатра.

В ГАОО есть еще одно упоминание об утраченном деле «О выдаче Т. Анатра данной на прибавленную к дворовому месту ея земли» от 12 октября 1872 года, но понять только из сохранившегося названия его, о чем именно там шла речь, увы, сложно. Зато сохранилось нудное дело Распорядительной думы за № 376 «По жалобе жены отставного унтер-офицера Ивана Шевцова Гликерии на Анатро о захвате последней у первой промежутка земли именно 8 вершков». Даже название нудное. В деле речь идет о той самой прирезке полоски земли «шириною до трех сажень». Состоит оно из жалобы соседки Терезии Анатра на то, что та у нее захватила кусок земли, из разных справок от Думы, переписки столоначальников и даже городского головы, из бесконечных замеров этих самых «захваченных» восьми вершков там и сям. Но зато заканчивается все миром: «Шевцова и Анатра возникшие между ними недоразумения о промежуточной земле прекратили миролюбно, в чем дали друг другу подписки». И еще мы узнаём, что Терезия Анатра так и оставалась неграмотной, о чем в деле пишет ее сын Антон: «вместо ее, неграмотной, по ее рукоданной (*так*) просьбе подписал родной сын ея одесский купец Антон Анатра».*

В 1873 году дом Анатра по Успенской уже был оценен для выплаты налога в 17772 рубля, а угловой дом – в 14250 рублей, итого недвижимость более чем на 32 тысячи: сравните с недавними полутора тысячами – солидно!** Это не только рост благосостояния Анатра, это показывает, насколько выросли цены на недвижимость

* ГАОО, ф. 4, оп. 44, д. 376, «По жалобе жены отставного унтер-офицера Ивана Шевцова Гликерии на Анатро о захвате последней у первой промежутка земли именно 8 вершков».

** Раскладочная ведомость Херсонской губернии города Одессы о государственном налоге и земском в пользу казны и земства сбор определенных на недвижимые имущества на 1873 год. Листы 5 и 8.

Михаил Михайлович Кожевников

за 25 лет – практически один и тот же дом вырос в цене более чем в десять раз.

19 марта 1874 года «итальянско подданная, вдова Терезия Анатра» пишет прошение «на пристройку вновь дома под № 39 к существующему уже дому под № 41... на принадлежащем мне месте, состоящем во 2-й части в III квартале под № 39». На рисунке виден этот участок № 39, он по Новой улице, примыкает к участку 41. В пояснении городского архитектора Моранди говорится что «прибавочную пристройку по вновь прибав-

ленной линии» построить можно. Увы, в прошении вовсе не упомянут архитектор.* Возможно, речь идет о строительстве как раз на месте, прибавленном согласно утраченному делу 1872 года. В следующем, 1875 году, в делах строительного отделения Городской управы есть упоминание о постройке одноэтажного дома по Новой ул., участок № 39, под наблюдением архитектора Моранди. Возможно, речь идет о постройке внутриворотового флигеля.**

Почти 40 лет дом принадлежал Терезии Анатра, затем, после ее смерти 26 сентября 1880 года, он перешел в собственность ее сына, Анжело Анжеловича. Анжело Анжелович тогда уже поселился в своеобразной вотчине семьи Анатра, квартале на Пушкинской от Жуковского до Еврейской, поэтому родительский дом он сдавал внаем. Так, известно, что в 1884-88 годах здесь проживал Михаил Михайлович Кожевников, гласный Городской думы,

* ГАОО, ф. 16, оп. 50, д. 9, 1874 г., «Утверждение планов на частные здания, разрешения на постройки и перестройки».

** ГАОО, ф. 16, оп. 124, д. 17693, 1875 г., «Журнал на записку таблиц, выдав. гг. домовладельцам, на постройку домов по планам, утв. Стр. отд. Од. гор. управы на 1875 г.

член Одесского комитета торговли и мануфактур и директор правления Одесского учетного банка.^{***} К обеим организациям семья Анатра также имела непосредственное отношение – позднее Анжело Анжелович возглавит этот комитет, а его брат Варфоломей – Учетный банк.

Возможно, с подачи Михаила Кожевникова в 1887 году Анжело Анжелович решил переделать кое-что в доме, причем Кожевников продолжал там проживать во время ремонта, то есть переделывалась часть дома.

Анжело Анжелович Анатра

«Одесскаго первой гильдіи Купца Анжело Анжеловича Анатра, жительствоющего въ г. Одессѣ на углу Успенской и Новой улицѣ въ собственномъ домѣ подѣ № 41

Заявленіе

Представляя при семъ планъ въ двухъ экземплярахъ своего дома для производства въ ономъ ремонта и перестройки, честь имѣю покорнѣйше просить Городскую Управу утвердить таковой. Подачу и полученіе утвержденного плана довѣряю Гражданскому инженеру Василию Александровичу г-ну Сгибневу.

*Апрѣля 3-го дня 1887
Анжело Анжеловичъ Анатра*

^{***} Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1885 г., с. 61, 136, 140; и 1889, с. 59.

25 апреля 1887 года архитектор Сгибнев получил в управе утвержденный план за № 3897 и разрешение за № 146. Из резолюции к нему городского архитектора, которым по-прежнему был Франц Осипович Моранди, мы узнаем некоторые детали сего плана: «Произвести ремонт в существующем одноэтажном доме и пристроить к нему одну комнату и ворота по Новой улице». Интересно, что в записке архитектора Сгибнева о согласии на выполнение им работ говорится также о втором доме – на участке № 42, по Успенской –

«Въ Строительный Отдѣль Одесской Городской Управы
Гражданскаго инженера Василя Александровича Сгибнева

Подписка

Даю настоящую подписку Стр. Отд. Одъ. ГУ въ томъ, что имѣющаяся производится перестройка въ домъ Од. I-й Гильдіи купца Анжело Анжеловича Анатра, состоящаго въ Одессѣ, Александровскаго пол. уч., по Успенской и Новой улицамъ подъ № 41 и 42 согласно утвержденному плану, беру подъ свое техническое наблюдение, съ отвѣтственностью, опредѣленной въ строительномъ уставѣ. Въ чемъ и подписываюсь Апрѣля 9 дня, 1887.

*Гр. Инж. ...**

Но уже через два года Анжело Анжелович продал это семейное владение, перевернув страницу владения семьей Анатра этим домом. Началась новая страница его истории, некоторые детали которой мы проследим. Самой яркой, конечно же, было размещившееся здесь одно из самых модных заведений тех лет – шикарная водолечебница доктора Абрама Борисовича Воллернера. С мрамором, электричеством и теплыми дорожками!

Но прежде нужно сказать, что не ясным до конца пока что является вопрос, кто именно купил у Анатра это владение. Например, согласно хранящемуся в Одесском краеведческом музее

* ГАОО, ф. 16, оп. 63, д. 245, «Об утверждении планов и выдаче разрешений на постройку». Часть II. 1887 г.

чертеже под названием «Проект водолечебного отделения при частной лечебнице врача А.П. Воллернера в доме Коган-Бернштейна на Новой ул. № 28 в г. Одессе. 1889 г.» получается, что покупателем был Коган-Бернштейн, а Воллернер – арендатором.** Почему в прошении говорится только о № 28, понятно – водолечебная часть заведения Воллернера была именно в этой части общего владения. Но купил ли Коган-Бернштейн всё владение Анатра? В 1895 году бывшее владение Анатра принадлежит М. Кацнельсону, а в 1898 –

Абрам Борисович Воллернер

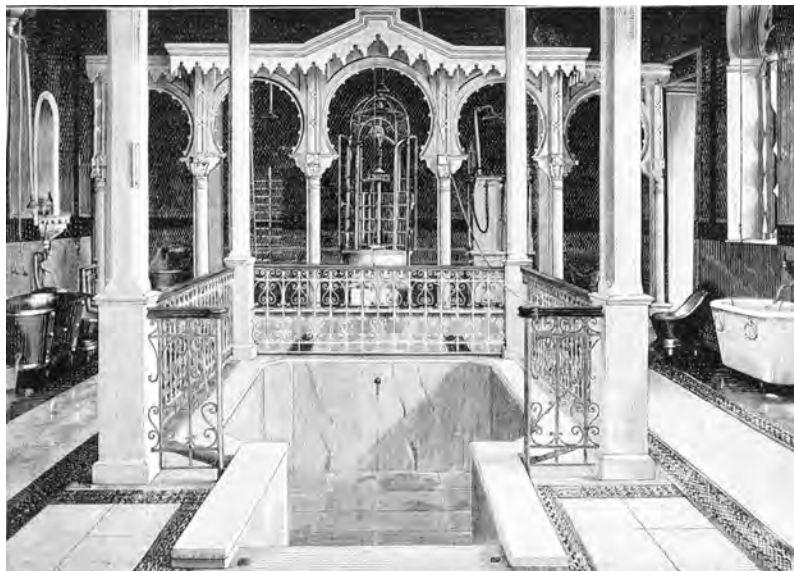
тому самому Воллернеру. Вопросов остается много, поиск ответов на них очень затруднен тем, что все документы о разрешениях на строительство или переделку за 1889 год утрачены. Но мне, возможно, удалось найти ответ: дело в том, что загадочная фамилия Кацнельсон, а также Воллернер и Коган – родственные. Марк Кацнельсон – отец Юлии и Каролины, бывших замужем соответственно за Коганом и Воллернером. Вот только остается вопрос во второй части двойной фамилии, -Бернштейн, из документа. Семья Коган-Бернштейн хорошо известна историкам Одессы, знаменитые Когановские учреждения были устроены Овсеєм Коганом, которому наследовал его сын Адольф, которому как раз и наследовал его родственник Бернштейн, получивший право именоваться Коган-Бернштейном. Возможно, в данном случае речь идет о чем-то подобном. Здесь поможет более подробное изучение генеалогии.

** Одесский историко-краеведческий музей (ОИКМ), К-314, «Проект водолечебного отделения при частной лечебнице врача А.П. Воллернера в доме Коган-Бернштейна на Новой ул., № 28, в г. Одессе. 1889 г. План.

Воллернер открыл здесь целый медицинский центр, в который входили лечебница, в том числе и для нервнобоьных, и модное тогда гидропатическое заведение. По-видимому, работы по перedelке дома проводились в 1889 году.

Заведение состояло из трех отдельных зданий с двумя небольшими дворами между ними. В двух зданиях помещались мужское и женское отделения лечебницы, в третьем – гидропатическое заведение. «Двор, находящийся между мужским и женским отделениями, представляет собой цветник с фонтаном для освежения воздуха; здесь находятся также беседка, окруженная растительностью, где больные летом пьют чай или обедают». Переделанная из добротного частного особняка, лечебница представляла собой «хорошую семейную квартиру и устроена даже с некоторым комфортом». Поступающие сюда больные «пользовались квартирой, постельным бельем, прислугой, уходом, столом, лечением и врачебным советом. За пользование в лечебнице взимается 150-300 руб. в месяц». Интересно описание местоположения лечебницы (1901): «Она находится на окраине, в лучшей чистой части города, вблизи Александровского парка и вблизи дач». Гидропатическое заведение при лечебнице было самостоятельным учреждением со своим входом с Маразлиевской и было отдельной гордостью создателей. Причем его основательно переделали спустя примерно десять лет после открытия, когда устроили отделение для дам. Оба отделения имели пропускную способность в четыреста-пятьсот человек в день! При этом оборудовано и устроено все было по высшему разряду. Здесь находились электротерапевтический кабинет и два водолечебных зала с кабинами – в мужской части их было двенадцать. Зал отделали в мавританском стиле, со стеклянным витражным потолком, мраморным полом, который пересекался рядами узорчатых чугунных дорожек, под дорожками проложили паровое отопление. В центре зала – большой мраморный бассейн, за ним на мраморном возвышении – колоннада в мавританском вкусе, где были установлены трибуны с душами «подвижными, восходящими, нисходящими и колоннами».* Громадные мавританские окна и цветной фонарь давали обилие мягкого света. После обновления в 1899 году здесь появились

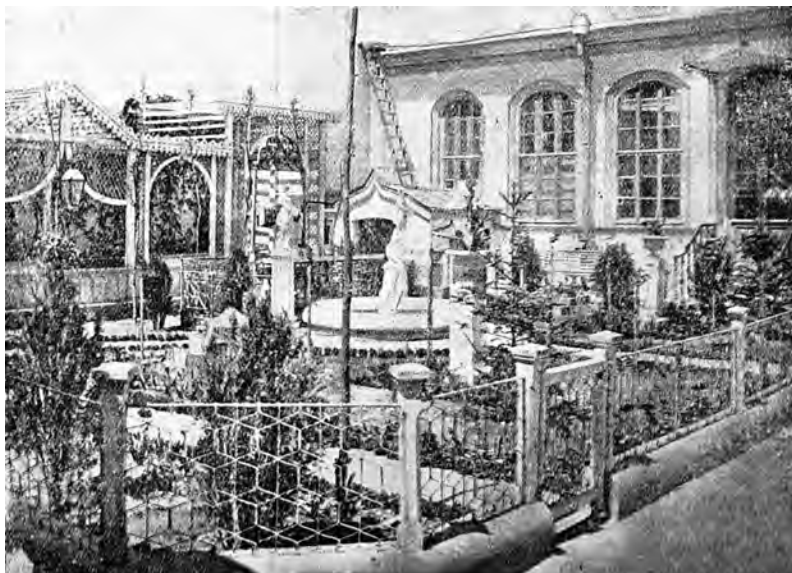
* Путеводитель по Одессе и окрестностям Г. Каранта. С. 169-172.

Зал водолечебницы Воллернера, 1892 г. Хорошо видны мраморные и медные ванны по бокам, в том числе сидячая

«электросветовые ванны, углекислые ванны, совмещающие собой нарзан и Nauheim, суховоздушные ванны, качающиеся ванны (Schaukel Bad) и т. д.». Был здесь аппарат с нитевидным душем, работавший под давлением в десять атмосфер. Установлены сидячие ванны со спинными и круговыми душами, а по обеим сторонам зала – медные и мраморные ванны. Чтобы все это водное великолепие надежно работало, при лечебнице устроили собственный колодец, дававший достаточное количество воды, чтобы не зависеть от капризов одесского водопровода. И было также нечто для меня загадочное: в смежной с залом комнате установили «электрогальванические и электрофарадические ванны и... электрические души...». Мне кажется, последнее послужило одной из причин того, что грандиозное предприятие Воллернера в конце концов закрылось.

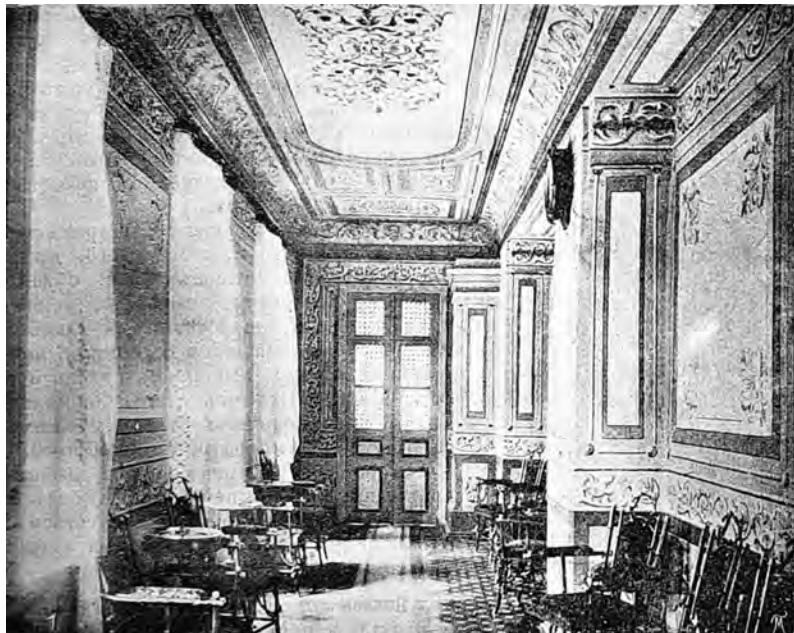
Открытие Воллернером лечебницы широко освещалось в одесской прессе и, к счастью, иллюстрировалось довольно большим

Внутренний двор лечебницы Воллернера

количеством фотографий. Конечно, они касаются в основном водолечебницы как самого востребованного тогда вида медицинских учреждений, но мне наиболее интересны три фотографии, одну из которых я приводил выше, – общий вид дома, и две другие – внутренний двор и некий интерьер. Он без особого медицинского налета, за исключением каких-то чаш на столиках, но, по всей видимости, здесь показано внутреннее убранство, сохранившееся еще со времен Анатра. А во внутреннем дворе интересно здание с арочными окнами, характерное для построек Одессы середины XIX века. Возможно, это что-то из первоначальных построек Анатра. Известно, что сам Воллернер кроме переделки-приспособления дома под нужды лечебницы построил здесь «отделение для дам».* При этом по части владения этим местом вопрос до конца не ясен: скорее всего, часть участка и минимум

* «Одесский листок» № 92, 20.05.1899 г., «Третий лист Одесского листка»,
«Гидропатическое заведение (водолечебница) д-ра Воллернера в Одессе», с. 12.

Интерьер водолечебницы Воллернера. Возможно, декор стен еще времен Анатра**

одно здание принадлежало семье Кацнельсон – родственникам Воллернеров.

В «Сенатских объявлениях» есть упоминание о сделке от декабря 1902 года, где говорится, что доктор А.Б. Воллернер продал коллежскому ассесору П.И. Дулову «двор в Одессе, 2 часть, по Успенской улице, 43, и по Маразлиевской, 43, за 29000 рублей». Не совсем понятно, о чем речь, потому что номером указан 43, причем по обеим улицам, что явная ошибка. Дулову действительно принадлежал дом на Успенской, но это нынешний дом 27, то есть через дом по Успенской от лечебницы. Но суть в том, что дела, видимо, шли не очень, и Воллернер, нуждаясь в деньгах, продал доходный дом, что само по себе интересно, так как это

** Фотографии из газеты «Одесский листок», № 92, 20.05. 1899 г. «Третий лист Одесского листка», с. 12.

В 1982 году по этому адресу размещался детский комбинат № 230 «Тополек»

был один из самых прибыльных бизнесов тогдашней Одессы. В 1906 году водолечебница доктора Воллернера еще упоминается в справочнике «Вся Одесса». Из новенького – там предлагали некое «подвешивание» за 15 р. в месяц. А позже дома, где располагалась лечебница, были проданы. Они стали собственностью семьи Гаузнер – сначала Бенциона Израилевича, а затем Сары-Фримы Кельм-Гаузнер, проживавшей здесь же, видимо, с мужем, указанным как Ср. Иохим. Гаузнер (1912 и далее). Вместо лечебницы с ее красивыми интерьерами в 1913 году тут появляется частная гимназия В.Н. Масловой и М.Н. Градской.* И гимназия эта стала на короткое время одним из культурных центров города, здесь даже проводились литературные вечера. На одном из таких, состоявшемся в 1918 году, с чтением своих рассказов выступил граф Алексей Толстой.

До наших дней дом этот сохранился, хотя, конечно, изменившимся – в послевоенное время второй этаж приобрел совсем другой вид. Его современный адрес – Маразлиевская, 60, угол

* «Одесские новости», № 9173, 04.11.1913 г.

Дом на Успенской, 25. Фотография проекта «Архитектура Одессы»

Успенской, 23. В советское время гимназию сменил детский сад № 27, подведомственный отделу соцвоса – социального воспитания. После войны здесь была школа № 83. Поврежденное здание восстанавливало ОСМУ-1 Черномортехстроя (1946). Затем за школой в качестве шефов были закреплены завод им. Кирова, Жилремснаб, артель «Бумпром» и Витаминный завод.** В 1975 г. ее снова сменил детский сад, а в 1996 году в доме разместилась городская еврейская школа № 94.

Что же касается того дома, с которого мы начали, самого первого дома семьи Анатра (Успенская, 25), то после смерти Анжело Анжеловича в 1910-м году дом был перестроен в четырехэтажный доходный, существующий до сих пор. Апреля двадцать пятого

** ГАОО, р. 1234-7-745, 1949, л. 53. Постановления исполкома горсовета.

дня 1911 г. Александра Александровна, вдова Анжело Анжеловича, подала в Строительный отдел Городской управы прошение:

«Имѣю честь просить о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на сломку существующаго 2-хъ этажнаго фасаднаго зданія и такъ же флигелей на мѣстѣ моемъ состоящемъ по Успенской ул. подѣ № 25. Разрѣшеніе довѣряю получить Архитектору Ю.М. Дмитренко. Сломка будетъ производиться подѣ наблюдениемъ Архитектора Ю.М. Дмитренко, подписку котораго при семъ прилагаю.

Александра Анатра».

На прошении в левом нижнем углу стоит приписка карандашом: «Покорнейше прошу г. Дмитренко сделать фотографию с существующего дома», – и подписана она, видимо, выдававшим разрешение архитектором. Сделано ли это было по собственной его инициативе, или по просьбе кого-то из Анатра, дабы сохранить память о первом доме семьи, увы, неизвестно. К постройке дома Александра Александровна привлекла архитектора Юрия Дмитренко. Строительство было в основном закончено к осени того же 1911 года. Именно Дмитренко через два года построит для сына Александры Александровны Владимира Анжеловича прекрасную романтическую усадьбу на Французском бульваре, 28, – можно сказать, основного героя моей книги «Анатра».

Вам не кажется, что первый этаж этого дома – это слегка измененный, ушедший в землю, но все тот же первый дом Терезии Анатра 1841 года?..

